

Зима. Снегу намело до самого порога, он изменил обычный, естественный облик вещей и придал всему один цвет и одну форму. В снегу утонуло и маленькое кладбище – лишь кое-где торчат из сугробов верхушки высоких крестов. На снежной пелене едва видна узкая тропинка, ее протоптали вчера на похоронах фра Петара. В конце стежка расширяется в неправильный круг, и снег там розовый от намокшей глины. Издали это место похоже на свежую рану среди однообразной белизны, которая тянется куда-то в бесконечность и незаметно исчезает, сливаясь на горизонте с серой пустыней неба, по-прежнему затянутого снеговыми тучами.

Все это видно из окна кельи фра Петара. Белизна внешнего мира смешивается с дремотным полумраком комнаты, а тишина

хорошо сочетается с тихим, размеренным тиканьем множества часов, которые все еще идут, тогда как другие, незаведенные, уже остановились. Тишину нарушает лишь приглушенное препирательство двух монахов, которые, сидя в соседней, пустой келье, составляют опись вещей, оставшихся после фра Петара.

Старый монах Мийо Йосич бормочет что-то неразборчивое. Его ворчание – отголосок былой распри с покойным фра Петаром, «знаменитым часовщиком, оружейником и механиком», который со страстью собирал всякие инструменты, расходуя на то монастырские деньги, и ревниво охранял свои сокровища от посторонних. Потом старик громко попрекает молодого фра Растислава – тот уже несколько раз предлагал протопить печь и не мерзнуть в холодной комнате.

– Одно горе с этой молодежью! Все вы неженки, зябнете, ровно барышни. Теплую комнатку тебе подавай! Мало мы в эту зиму топили и дров сожгли!

– Тут старик, вероятно, спохватился, что тем самым он как бы укоряет и покой-

ника, над которым еще земля не успела слежаться, и замолчал, но почти сразу же снова разворчался:

– Всегда я тебе говорил: не Рагислав ты, а Мотайслав. Даже имя твое не обещает ничего хорошего. Пока монахов звали попросту – фра Марко, фра Мийо, фра Иво, – добрые были времена, а нынче вы берете себе имена из романов, что ли, всякие там фра Рагиславы, фра Воиславы, фра Бранимры. Вот и получается...

Молодой монах пропускает мимо ушей это брюзжание и укоры, – ведь он слышал их уже сотню раз и должен будет слушать еще бог знает сколько. Работа продолжается.

У людей, описывающих имущество усопшего, который еще дня два тому назад был здесь, такой же живой, как они сейчас, особенный вид. Они – представители победоносной жизни, которая идет своим чередом, сообразуясь со своими нуждами. Однако это отнюдь не доблестные победители. Вся их заслуга в том, что они пережили покойника. И если взглянуть со стороны, то они чем-то напоминают грабителей, уверенных в своей безнаказанности и зна-

ющих, что владелец не может вернуться и застать их на месте преступления. Может быть, это и не совсем точно, но что-то в этом роде.

– Пиши дальше, – слышится грубый голос старого монаха, – пиши: «Одни клещи большие. Одни».

И так по порядку, инструмент за инструментом, и в конце каждой фразы записанный предмет глухо брякает о другие инструменты, набросанные кучей на большом дубовом верстаке покойного фра Петара.

Стоит посмотреть и послушать все это, как мысли невольно переходят от жизни к смерти – от тех, кто сейчас что-то пересчитывает и прибирает к рукам, – к тому, кто уже потерял все и кому больше ничего не надо, потому что не стало и его самого.

Еще три дня тому назад на широкой кровати, где нынче нет ни тюфяка, ни простыни и остались одни голые доски, лежал или сидел фра Петар и без усталости говорил. И теперь, глядя на засыпанную снегом могилу, юноша вспоминает его рассказы и уже третий или четвертый раз порывается заве-

сти разговор о том, как прекрасно покойный умел рассказывать. Но об этом нельзя говорить.

В последние недели фра Петар много и часто вспоминал о своей жизни в Стамбуле. Это было очень давно. По каким-то своим трудным и запутанным делам монахи послали в Стамбул фра Тадию Остоича, экс-иеромонаха и экс-настоятеля («Ведь он состоял из разных «эксов»), человека медлительного и полного достоинства, влюбленного в эту свою медлительность и достоинство. Он говорил по-турецки (тоже медлительно и с достоинством), но читать и писать не умел. Поэтому в сопровождающие ему дали фра Петара, человека сведущего в турецкой грамоте.

Они пробыли в Стамбуле около года, истратили все взятые с собой деньги, задолжали, но ничего не сделали. И, все из-за несчастья, которое постигло ни сном ни духом не виноватого фра Петара в результате глупого стечения обстоятельств в то смутное время, когда власти перестают отличать правого от виноватого.

Случилось так, что вскоре после их приезда полиция перехватила какое-то письмо,

адресованное австрийскому церковному представителю в Стамбуле. Это было обширное донесение о положении церкви в Албании, о гонениях на священников и верующих. Человеку, доставившему письмо, удалось бежать. Так как в Стамбуле в то время не оказалось никаких других монахов из подвластных краев, турецкая полиция, руководствуясь своей логикой, арестовала фра Петара. Два месяца он просидел в тюрьме «под следствием», хотя за это время его даже и не допросили по-настоящему.

О двух месяцах, проведенных в стамбульской следственной тюрьме, фра Петар рассказывал больше и интереснее, чем обо всем прочем. Рассказывал он не по порядку, отрывочно, как говорят тяжелобольные, которые стараются скрыть от собеседника и свои физические страдания, и постоянные мысли о близкой смерти. Отрывки не всегда складывались в связное повествование. Часто, продолжая начатый рассказ, старик повторял то, что уже говорил, или забежал далеко вперед, пропуская немалый отрезок времени. Он говорил обо всем так, словно время для него уже потеряло вся-

кий смысл, а поэтому и в чужой жизни он не придает ему и его обычному ходу никакого значения. Его рассказ прерывался, возобновлялся, повторялся, делал скачки вперед, возвращался назад, а закончившись, начинал обрастать новыми, более подробными толкованиями, причем все это без учета места, времени и действительно-го, раз навсегда установленного течения событий.

Конечно, при таком способе повествования оставалось много пропусков и неясностей, а юноше неудобно было прерывать рассказ или потом задавать вопросы. Самое лучшее – дать человеку говорить свободно.